

Энна Адольфовна Желубовская

БОРЬБА за КОММУНУ в МАРСЕЛЕ в 1871 году

Историк-марксист, 1941, № 6. С. 60-77

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011 - к 140-летию Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

в конце файла - ссылки на другие материалы о Парижской коммуне 1871 года

В современной историографии не существует ни одной книги, полностью освещающей местные движения во Франции в период Коммуны. Единичные работы об отдельных, местных коммунах обычно принадлежат либо активным участникам их подавления, ставившим своей задачей подчеркнуть свои заслуги перед буржуазным «отечеством», либо причастным к революционным событиям 1870—1871 гг. буржуазным радикалам-республиканцам, стремившимся оправдать в глазах французской буржуазии свое поведение. В значительной же своей части литература по интересующему нас вопросу представлена в виде отдельных глав в общих работах о Парижской коммуне и немногих статей и брошюр. Таким образом, до сих пор остается справедливым высказанное Гедом в 1877 г. положение, что «многие, даже во Франции, не знают не только о том, что происходило в провинции, но и о том, происходило ли там коммунистическое движение, соответствовавшее парижскому и оказывавшее ему материальную и моральную поддержку»¹.

В глазах советского историка народные движения 1870—1871 гг. во французской провинции имеют весьма важное значение. Однако он лишен возможности изучить эти движения во всей полноте вследствие недоступности французских провинциальных и центральных архивов, как и французской провинциальной прессы периода Коммуны. Тем не менее советский историк располагает ценным, до сих пор мало или вовсе не использованным материалом, позволяющим более или менее детально изучить по крайней мере крупнейшие из провинциальных движений этого значительного периода в истории Франции. К числу важнейших источников в этой области следует отнести материалы парламентской следственной комиссии по делу 18 марта² в той их части,

* Статья представляет собой часть главы для X тома «Всемирной истории», подготовляемого к изданию Академией наук СССР.

¹ См. статью Гедо «Le 18 mars en province», напечатанную впервые в журнале «Die Zukunft» в 1877 году. Вошла в сборник статей Гедо о Коммуне, изданный в Париже в 1936 году.

² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars». Т. I—III. Versailles. 1872.

которая касается провинциального движения соответствующие материалы многолетнего обследования деятельности «правительства национальной обороны»³, двухтомное издание политических афиш этого периода⁴, отчеты о судебных процессах над провинциальными коммунарами, парижскую и швейцарскую прессу периода Коммуны и некоторые другие специальные материалы.

Настоящая статья представляет собой попытку нарисовать — насколько позволяют существующие в СССР источники — картину революционного движения в дни Парижской коммуны в одном из крупнейших провинциальных центров Франции — Марселе, в котором революционная борьба носила весьма упорный характер и имела шанс распространиться на весь юг Франции.

★

18 марта 1871 г. героические рабочие Парижа восстали против буржуазного режима «сентябрьской республики» и впервые в истории человечества захватили власть своими руками. «Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем»

Бежавшее в Версаль «правительство национальной обороны» тотчас мобилизовало все доступные ему средства, чтобы лишить революционную столицу поддержки оставшейся Франции. Начиная с 19 марта Тьеря воднодейт департаменты потоками гнусных лжи и клеветы с целью дезориентировать французский народ, очернить в его глазах дело и людей парижской революции. Ежедневные циркуляры на имя префектов

³ Переиздано в 1874—1876 гг. в семи томах под названием «Actes du gouvernement de la Défense Nationale».

⁴ «Les murailles politiques françaises T. I—II. Paris. 1874.

⁵ Помимо указанных источников для настоящей статьи использованы «Протоколы заседаний Муниципального совета Марселя в дни Марсельской коммуны» («Procès-verbaux des séances du Conseil Municipal de Marseille du 23 mars à 1 avril 1871». Marseille. 1871), ряд ценных документов, опубликованных в 1872 М. Aubray, и другие материалы.

⁶ К. Маркс «Гражданская война во Франции». «Архив Маркса и Энгельса Т. III (VIII), стр. 25.

других представителей местной власти, предназначавшиеся для сведения населения и извращавшие действительность; систематическая конфискация агентами Тьера папшской революционной литературы, пересылавшейся в департаменты; измышления продажной версальской прессы; изощренные происки телеграфного агентства Гавас — таковы средства, при помощи которых Тьер оказывал настойчивое давление на провинцию.

Но Тьеру не удалось удержать провинцию от выступления в защиту парижской революции. 22 марта знамя борьбы за Коммуну поднял старый революционный город Лион. Однако уже 25 марта по вине анархистов и вследствие предательской бездеятельности буржуазных радикалов он был вынужден сдать его на «милость» версальского палача. Утром того же дня «глава исполнительной власти» возвестил в торжествующем циркуляре на имя провинциальных префектов о водворении «порядка» в Лионе, распространив по всей стране чередуящую ложь: «Порядок царит почти во всей Франции»¹. В действительности, однако, буржуазный «порядок» во Франции никогда не был так шаток, как именно в эти дни. Знамя революционной борьбы, поднятое Лионом, было подхвачено другими городами. 25 марта, когда Тьер праздновал так легко доставшуюся ему победу над лионскими революционерами, огнем восстания был объят ряд важнейших промышленных и торговых центров Франции: Сент-Этьен, Марсель, Тулуза, Нарбон; 26 марта выступил Крезо, за ним — Лимож.

Особенно упорно боролись за Коммуну трудящиеся Марселя. Этот крупнейший французский порт на Средиземном море, административный центр департамента Устье Роны, уже с августа 1870 г. служил ареной острейшей борьбы за республику, внушая, подобно Лиону, немалое беспокойство «правительству национальной обороны». Выдающийся торговый и промышленный центр, Марсель являлся после Парижа наиболее оживленным городом Франции. По отчету марсельской торговой палаты, в течение 1870 г. в марсельские гавани зашло 6152 и вышло 6135 французских и иностранных парусных судов общим тоннажем в 2 395 770 тонн². Общее число зашедших и вышедших паровых судов в том же году составляло 6056 единиц тоннажем в 2417 817 тонн³. Грузооборот марсельского порта в 1870 г. равнялся 2 314 043 тоннам на сумму 1518,9 млн. франков⁴. Первоклассная торговля (хлебом, масляным семенем, нефтепродуктами, химикалиями, углем, мылом, сахаром, хлопком, шолком,

шерстью, строительными материалами, пищевыми продуктами, колониальными товарами и т. д.) сочеталась здесь с развитой местной промышленностью, преимущественно обрабатывающей, отдельные отрасли которой, как например мыловаренная, химическая, маслобойная, занимали видное место в общенациональной промышленности Франции, объединяя свыше 15 тыс. рабочих⁵. Марсельская металлургическая промышленность располагала в это время двумя доменными печами, литейными, железопрокатными, медеплавильными предприятиями. Следует также назвать крупную табачную фабрику Марселя, его мукомольные, сахароваренные, кожаные, судостроительные, свечные, спичечные, кондитерские, консервные, стекольные, швейные и прочие предприятия⁶.

Среди многочисленных предприятий Марселя, наряду с мелкими или даже карликовыми, с двумя — тремя рабочими, были и такие, которые занимали сотни рабочих, в том числе немало женщин и детей. Сюда следует отнести в первую очередь табачное, судостроительное, кожаное, швейное и спичечное производство⁷. Кроме того необходимо учесть около 8 тыс. рабочих марсельского порта⁸. Таким образом, население Марселя, насчитывавшее в 1871 г. более 300 тыс. человек⁹, имело в своем составе значительное число пролетарских и полупролетарских элементов.

Положение трудящегося населения Марселя сильно ухудшилось со времени объявления франко-прусской войны. Вследствие расстройств водного и железнодорожного транспорта, вызванного войной, катастрофически сократились операции марсельского порта. На складах и в доках Марселя скопились огромные количества товаров, преимущественно хлеба, которые к тому же не находили былого спроса, так как иностранные торговые фирмы, издавна связанные с марсельским портом, предпочитали иметь дело с итальянскими и английскими портами, функционировавшими нормально¹⁰. По данным марсельского корреспондента швейцарской газеты «Journal de Genève», в первые месяцы 1871 г. в марсельском порту одного только хлеба скопилось до 600 тыс центнеров. Большой ущерб понесла транзитная торговля. «Общество развития и защиты торговли Марселя» в своем докладе на имя министра торговли констатировало, что за время войны транзитная торговля Марселя составляла только 25—30% нормальной¹¹.

Разумеется, сильно пострадала местная промышленность, в значительной мере зависевшая от успешности операций марсельского порта. «С первых обрушившихся на

¹ «Les murailles politiques françaises». Т. II, p. 82.

² «L'Economiste français», p. 995—996. 1873.

³ J o u h a m E. «Les opérations maritimes, commerciales et industrielles à Marseille», p. 21 (tableau). Paris — Marseille. 1878.

⁴ T e i s s i e r O. «Histoire du commerce de Marseille pendant vingt ans (1856—1874)», p. 112. Paris — Marseille. 1878.

⁵ «Journal des économistes», p. 426. 1871

⁶ Ibidem, p. 405

⁷ T e i s s i e r O. Op. cit., p. 147 (tableau).

⁸ «Actes du gouvernement de la Défense Nationale». Т. II, p. 66.

⁹ M a t h i e u J. «Marseille. Statistique et histoire», p. 7. Marseille. 1879.

¹⁰ «Journal de Genève», 5 mai 1871.

¹¹ Ibidem, 25 mai 1871.

нас бедствий,— сообщал марсельский корреспондент «Journal de Genève»,— начался полный застой в делах. Ни один товар не находил покупателей. Наши важнейшие предприятия закрылись либо сильно сократили производство... Жестокий кризис, не только торговый, но и промышленный, поразил наш город»¹.

Безработица, рост цен на предметы первой необходимости, вызванный, в частности, тем, что марсельские дельцы искусственно придерживали на складах огромные запасы хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в расчете на плохой урожай², чрезвычайно усилили нужду рабочего населения Марселя. Тяжелые условия существования, несомненно, явились— наряду с войной и свирепствовавшей здесь в 1870—1871 гг. эпидемией оспы— одной из основных причин высокой смертности взрослого и детского населения. Смертность детей в возрасте до 1 года в 1870 г. составляла 2041 человека на 9487 новорожденных; в 1871 г.— 2332 человека на 8675 новорожденных³.

Скученное в узких, зловонных кварталах старой части города, рабочее население Марселя, политическая активность которого сильно возросла со времени войны, весьма откровенно выражает свое недовольство политикой «правительства национальной обороны». Одной из форм этого недовольства явилась все возрастающая волна стачек, в которых приняли участие портовые и промышленные рабочие Марселя. Марсельские докеры, подвергшиеся двойной эксплуатации— (хозэе и так называемых «старших» (portefaix-maitres),— вели упорную стачечную борьбу против неограниченного хозяйничанья «Доковой компании» («Compagnie des docks»). Особенно усиливается стачечное движение в феврале—марте 1871 года. В марте в Марселе бастуют железнодорожные служащие и моряки товаро-пассажирских пароходов «Национальной компании по морским перевозкам», основные операции которой были сосредоточены в марсельском порту, портовые рабочие, добившиеся некоторого увеличения заработной платы⁴, рабочие почти всех основных отраслей местной промышленности⁵. Значительное число стачек, по свидетельству подвизавшегося здесь прокурора республики Гибера, принимавшего активное участие в их подавлении, «носило чрезвычайно насильственный характер»⁶ и сопровождалось судебными преследованиями и арестами. Согласно показаниям председателя судебной палаты в Эксе (Aix), большую роль в организации стачечной борьбы в Марселе играл парижский делегат Межи (Megy), прибывший в Марсель в начале марта 1871 г. и связавшийся с активным членом марсельской секции Интернационала, портовым рабочим Шовеном. Вместе с ним Межи, «не выступая открыто, спо-

собствует стачкам рабочих всех отраслей промышленности и старается привлечь симпатии гарибальдийцев, солдат мобильной гвардии и мобилизованных, которых расформирование... армий бросило в большом количестве на мостовую города»⁷.

Политическая жизнь Марселя в этот период отличалась крайней напряженностью. Об этом свидетельствовали переполненные кофейни и политические клубы города, многочисленные публичные собрания, устраивавшиеся здесь каждый вечер⁸. Посетители этих собраний: рабочий и ремесленный люд, гарибальдийцы и прочие революционные элементы Марселя— подвергались разнообразным идейно-политическим влияниям. Радикалы и буржуазные республиканцы успешно конкурировали здесь с социалистами, вовлекая в орбиту своего влияния значительные кадры трудящихся Марселя. Марсельская секция Интернационала, существовавшая с 1867 г., была одной из наиболее крупных во Франции⁹; она насчитывала несколько тысяч человек¹⁰. Война, правда, дезорганизовала марсельскую секцию: «Одни отправились в качестве вольных стрелков, другие были мобилизованы в национальную гвардию, иные, наконец, были взяты в армию»¹¹. Но с февраля 1871 г., в связи с перемирием, марсельская секция начала восстанавливаться и при правильном руководстве со стороны местных социалистов могла бы превратиться во внушительную силу. К несчастью, среди марсельских членов Интернационала были сильны анархистские влияния. В числе руководителей марсельской секции были анархисты Бастелика, Алерини и др.

В середине марта 1871 г. Шарль Алерини сообщал о положении, создавшемся к этому времени в Марселе: «Здесь существует общее недовольство правительством; растет дороговизна, нехватает работы. На первый план выдвигается и ставится социальный вопрос. Каждый день мы имеем новую стачку, но предприниматели проявляют уступчивость, и повсюду эти стачки кончаются в пользу рабочих. Буржуазия обнаруживает ужасный страх». И далее: «Нужда быстро надвигается. Следует ждать революции непредвиденное обстоятельство, вопреки всем и всему»¹², может воспламенить накопившийся здесь порох»¹³.

⁷ Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars. Т. I, p. 441.

⁸ Rabateau A. et Legré L. «La ville de Marseille». L'insurrection du 23 mars 1871, p. 30. Paris. 1874.

⁹ Письмо К. Маркса Эдуарду-Спенсеру Бизли от 19 октября 1870 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 78.

¹⁰ По данным парламентской следственной комиссии, в Марселе насчитывалось якобы около 4 тыс. членов Интернационала «Enquête...». Т. I, p. 281, 610.

¹¹ «La solidarité», 28 mars 1871.

¹² Подчеркнуто в подлиннике.

¹³ «La solidarité», 28 mars 1871. Корреспонденция от 17 марта. Автор не указан. Гильом приписывает авторство Алерини. См. Guillaume J. «L'Internationale». Т. II, p. 139.

¹ «Journal de Genève», 9 juin 1871.

² Ibidem, 18 mai 1871.

³ Mathieu J. Op. cit., p. 42.

⁴ «La Commune», 21 mars 1871.

⁵ «Enquête...». Т. I, p. 281, 441.

⁶ «Actes...». Т. VI, p. 540.

Известие о событиях 18 марта в Париже, пришедшее в Марсель на другой день после парижской революции вместе с лживым циркуляром Тьера о 40-тысячной армии, якобы сконцентрированной в Версале под начальством генерала Винуа, вызвало крайнее возбуждение среди всех слоев марсельского населения. И хотя внешне город сохранял пока спокойствие, неизбежность революционного взрыва была очевидна уже 19 марта.

Все средства местной власти были тотчас пущены в ход, чтобы предотвратить назвавшуюся революцию. Префект департамента Устьев Роны, контр-адмирал Конье, опубликовал 19 марта депешу Тьера, сопроводив ее грозным предостережением по адресу тех, кто «своим толкованием депеш даст повод усомниться в успехе мероприятий версальского правительства»¹. В тот же день, несмотря на протесты марсельских железнодорожников, были конфискованы непосредственно на вокзале прибывшие в Парижа свежие экземпляры парижской «Официальной газеты», в которой сообщалось о революции 18 марта². Одновременно по настоянию генерального прокурора департамента Устьев Роны Туреля начальник телеграфа ближайшего города Экса оборвал провода, соединявшие Марсель с Парижем³, лишив таким образом марсельцев возможности общения с революционной столицей. Поднятая на ноги местная буржуазная пресса начала энергичную агитацию в пользу версальского правительства, призывая население соблюдать спокойствие, а национальную гвардию — «защищать порядок и республику». Со своей стороны «республиканский» муниципальный совет Марселя проявлял полную готовность в контакте с префектурой подавить силой оружия малейшую попытку выступления в пользу революционного Парижа⁴. Однако ему пришлось скоро отказаться от подобных поплзновений, ибо из 18 батальонов местной национальной гвардии 13—14 батальонов оказались «ненадежными»⁵.

Слабой опорой власти были и местные регулярные войска, «колеблющиеся и разобщенные», имевшие в своем составе немало оппозиционных элементов, испытывавшие революционизирующее влияние участников добровольческих отрядов гарибальдийцев из Вогезской армии, бесцельно стоявших после расформирования этих отрядов по улицам Марселя без пищи и

крова⁶. При такой ситуации местной власти было трудно рассчитывать на успех в предстоявшей борьбе с марсельскими революционерами.

Между тем революционное движение в городе все нарастало. Смятение первых дней, вызванное отсутствием достоверных сведений о парижском восстании, постепенно сменялось все большим сочувствием Парижу, которое не в состоянии были преодолеть лживые депешы Тьера.

Публичные собрания этих дней отличались чрезвычайной страстностью. Особого внимания заслуживает собрание 22 марта в кафе «Эльдорадо». Поводом для него послужила опубликованная утром того дня очередная депеша Тьера, в которой сообщалось об освобождении бонапартиста Руэ (Rouher), а также о том, что версальское правительство приняло услуги бонапартовского генерала, маршала Капробера, для подавления революционного Парижа. Эта депеша произвела решающий перелом в настроении марсельских республиканцев, Жгучая ненависть к империи и ее агентам, столь характерная для свободолюбивого населения юга Франции, с новой силой вспыхнула в сердцах людей под влиянием этой циничной депешы, обнажившей кровное родство «правительства национальной обороны» с бонапартовской империей. На собрании в «Эльдорадо» присутствовало от 1500 до 2 тыс. человек⁷. В числе выступавших на нем были гарибальдийцы. Горячую речь произнес марсельский буржуазный демократ Гастон Кремье, призывавший присутствующих безоговорочно поддержать революционное правительство Парижа.

Впоследствии восторжествовавшая контр-революция пыталась вложить в уста Кремье прямой призыв к вооруженному восстанию. В материалах обвинительного акта по делу марсельских революционеров 1871 г. изображена следующая сцена, якобы происходившая в кафе «Эльдорадо» 22 марта. «Я прошу вас,—заявил будто Кремье,—покаяться защищать это правительство (парижское.—Э. Ж.) всеми возможными средствами. Клянетесь ли вы мне? Все руки поднимаются вверх, раздаются оглушительные возгласы: Клянемся! — И мы также,—продолжал далее Кремье,—если понадобится драться, мы возглавим вас. Мы будем вынуждены защищать его на улице; вернитесь же домой, возьмите ваши ружья не для того, чтобы нападать, а для того, чтобы обороняться»⁸. Если бы это и были подлинные слова Гастона Кремье, то в них вряд

¹ Aubray M. et Michelesi S. «Histoire des événements de Marseille», p. 301. 1872.

² «Actes...». Т. VI, p. 540. Показания Гибера.

³ «Actes...». Т. V, p. 555. Показания Туреля.

⁴ «Procès-verbaux des séances du Conseil Municipal de Marseille du 23 mars au 1 avril 1871», p. 5, 6.

⁵ «Actes...». Т. V, p. 554. Показания Туреля.

⁶ Лиссагарэ утверждает, что в Марселе находился в то время около 1500 гарибальдийцев. См. Lissagaray «Histoire de la Commune de 1871», p. 157. Paris. 1929.

⁷ «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871. Обвинительное заключение по делу Гастона Кремье. По другим данным, на собрании в «Эльдорадо» присутствовало 1000 человек. См. Rabateau A. et Legré L. Op. cit., p. 29.

⁸ «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.

ли можно усмотреть призыв к вооруженному выступлению. Никаких конкретных директив к выступлению в этих словах нет. Надо, однако, полагать, что в действительности выступление Кремье было гораздо более умеренным.

Как бы то ни было, непосредственным результатом собрания 22 марта явилось распоряжение префекта, адмирала Конье, срочно организовать в Марселе 23 марта манифестацию в честь версальского правительства с участием всей местной национальной гвардии. Неправильно информированный полицией о собрании в кафе «Эльдорадо», префект рассчитывал построить тем самым план вооруженного захвата ратуши, который, как ему сообщили, должен был осуществиться утром 23 марта. Распоряжение о манифестации — плод совместного «творчества» перепуганного адмирала и не менее его растерявшихся высших чиновников Марселя, в том числе мэра города — ускорило, вопреки их воле, назревший здесь революционный взрыв.

Весьма показательна позиция, занятая в этих условиях муниципальным советом. Мэр, 60-летний адвокат Бори, трусливый, слабохарактерный человек, в прошлом «путавшийся во всех клерикально-либеральных коалициях»¹, а в описываемый период буржуазный радикал и весьма «умеренный» республиканец, лишь под давлением других членов совета, собравшихся утром 23 марта на экстренное совещание, отказался от своего первоначального намерения — содействовать осуществлению манифестации. От имени муниципалитета были посланы к адмиралу Конье два делегата, чтобы убедить его отказаться от опасной затеи. Высказываясь против устройства задуманной префектом манифестации, муниципальные советники Марселя, «добропорядочные» буржуазные республиканцы², руководствовались лишь одним соображением: рискомванностью такого предприятия ввиду ненадежности национальной гвардии. Ни о какой симпатии с их стороны к Парижу не могло быть и речи. «Я всеми силами порицаю все происходящее в Париже, — заявил на заседании муниципального совета один из видных его членов, коммерсант Лабадь»³. Эту точку зрения разделяли и другие члены совета.

Переубедить слабовольного префекта оказалось нетрудно. Но зато совершенно невозможно было уже приостановить стихийно разраставшееся в городе движение. С 7 час. утра в ответ на призыв к сбору, который был дан на основании первоначального распоряжения префекта, к центральному магистралам Марселя начали стягиваться батальоны национальной гвардии, отряды гарибальдийцев, вольных

стрелков и солдат других родов оружия. «К 10 часам утра, — сообщает корреспондент «Коммуны», — на площади Шанитр в полном вооружении выстроился 8-й батальон национальной гвардии; вскоре к нему присоединился ряд других батальонов. К 11 часам утра на площади св. Людовика сосредоточилась артиллерия. Многочисленные батальоны национальной гвардии стянулись на площадь Бельзэнс. Во всех районах города батальоны выстраивались на своих позициях. Ожидалось прибытие 9-го, 13-го и 16-го батальонов». Около 3 часов дня «к артиллерии присоединились инженерные батальоны национальной гвардии. На площади Бельзэнс выстроились батальоны солдат всех видов оружия: гарибальдийцев, вольных стрелков, национальных гвардейцев»⁴.

Среди собравшихся находились и реакционные батальоны национальной гвардии и батальоны рабочих кварталов и предместьев города. Никто, однако, не знал достоверно, с какой целью был дан призыв к сбору. По мере того как в томительном ожидании текли часы, возбуждение собравшихся все возрастало. Возглас «Да здравствует Париж!», то и дело раздававшиеся среди многотысячной людской массы, заполнившей крупнейшие площади города, свидетельствовали о далеко не благоприятном для Версаля настроении преобладающего большинства населения Марселя.

Между тем в муниципальном совете информированном о настроении манифестантов, шла лихорадочная возня. В 3 часа дня открылось второе за этот день заседание совета (первое заседание муниципального совета длилось с 10 часов утра до 2 часов дня)⁵. Не довольствуясь слезно сфабрикованным на утреннем заседании воззванием к населению, в котором кляты верности республике чередовались с угрозами по адресу «безумцев, которые осмелятся поднять руку на республику»⁶, муниципальный совет в страхе перед надвигающейся революцией переходит от слов к делу. Он делегирует к префекту четырех своих членов, предлагая ему принять решительные репрессивные меры ввиду опасности создавшегося положения. Делегаты вскоре возвратились с тревожным сообщением, что в префектуре, где в это время шло экстренное совещание префекта с военными властями, считают положение безнадежным, ибо «манифестация приняла угрожающий характер», а «они неспособны противопоставить какой бы то ни было сопротивление»⁷. Муниципальный совет решил все же не складывать оружия.

Потеряв надежду задушить движение при помощи репрессивных мер, «отцы города» решили использовать престиж «республиканского» муниципалитета, далеко еще не потерявшего доверия у населения.

⁴ «La Commune», 27 mars 1871. Корреспонденция С. Clodong.

⁵ «Procès-verbaux...», p. 11—12.

⁶ Ibidem, p. 13.

⁷ Ibidem

¹ Lissagaray E. Op. cit., p. 154.

² В числе 36 членов марсельского муниципального совета находились коммерсанты, судовладельцы, фабриканты, банкиры, домовладельцы, врачи и др. См. «Actes...». Т. II, p. 68.

³ «Procès-verbaux...», p. 19.

Необходимо активно вмешаться в ход событий с тем, чтобы направить движение в умеренное русло,— к такому решению приходит единодушно муниципальный совет Марселя в этот решающий для революции момент. Сообщниками его в этой предательской тактике явились буржуазные радикалы, руководившие «Республиканским клубом национальной гвардии», бывший помощник прокурора Бушэ и другие, поспешившие договориться с муниципальным советом об общей линии поведения.

Пока муниципальный совет в купе с представителями «Клуба национальной гвардии» вырабатывал план спасения буржуазного господства в Марселе, многотысячная толпа, томившаяся в течение многих часов на площадях Бельзена и св. Людовика, в стихийном порыве двинулась к префектуре под звуки барабанов, с возгласами «Да здравствует Париж!» Через центральную улицу города, широкий проспект Канебьер, затем через улицу Сен-Фереоль манифестанты, к которым по пути присоединилось немало гражданского населения, приближались к префектуре. Немногочисленные реакционные батальоны национальной гвардии ограничились ролью наблюдателей этого захватывающего порыва масс; несколько позднее реакционные батальоны мирно вернулись в свои казармы.

На площади Сен-Фереоль, у здания префектуры, общее возбуждение еще более усилилось. Не слушая появившегося на балконе префектуры Гастона Кремье, призывавшего манифестантов к порядку, народ ринулся в здание, охранявшееся ротой гвардейцев. Были арестованы префект, два его секретаря, генерал Оливье и другие видные чиновники. В числе прочих был задержан и мэр, которому, однако, удалось ускользнуть благодаря содействию национальных гвардейцев из реакционной 1-й инженерной роты¹.

А народ тем временем требовал и искал оружия. Несколько колонн манифестантов направились к оружейным мастерским Menrenti и там захватили весь наличный запас оружия; другая группа овладела артиллерийской батареей, которая была установлена в здании префектуры. Запасы оружия — ружья и патроны — были захвачены также в оружейном складе на вокзале. Без организованного руководства, побуждаемые исключительно революционным инстинктом, трудящиеся Марселя в ночь на 24 марта заняли вокзал, почту, телеграф². Командующий 9-й дивизией генерал Эспиван в ночь на 24 марта бежал в местечко Обань, в 17 км от города, куда отступили оставшиеся под его командованием войска.

Отсутствие руководства восстанием роковым образом сказалось, однако, в том, что важнейшие стратегические пункты, форты св. Жана и св. Николая, а также господствовавшая над городом высота дела-Гард с расположенным на ней фортом не были своевременно захвачены восстав-

шим народом. Они остались в руках контрреволюции, которая, как увидим, превратила эти крепости в свой главный штаб, сыгравший решающую роль в дальнейших событиях.

Роль Гастона Кремье, которого реакционная пресса и материалы парламентской следственной комиссии изображают вдохновителем и организатором выступления народных масс Марселя в день 23 марта, на деле заключалась скорее в том, чтобы обуздать революционный пыл восставшего народа. Захват префектуры явился для Кремье неожиданностью. В то время когда манифестанты вступили на площадь Сен-Фереоль, он вместе с некоторыми другими деятелями республиканского движения находился у префекта, которого убеждал пруспустить войска, чтобы несколько разрядить напряжение³. Его обращение к народу с балкона префектуры имело целью предотвратить революционную расправу с представителями старой власти. Гораздо решительнее нежели Кремье действовал парижский делегат Межи, находившийся среди манифестантов и, несомненно, бывший одним из инициаторов захвата префектуры.

Убедившись в своем бессилии приостановить революционный ход событий, Кремье спешно занялся организацией новой власти. Было решено создать временную Департаментскую комиссию, в которую первоначально вошли шесть человек: три представителя от республиканского «Южного общества» («Cercle du Midi»): Кремье, Этьен, Жоб—и три: Алерини, Мавиэль, Гильар—от «Комитета народных собраний», объединившего, судя по некоторым данным, и членов Интернационала. Одновременно Кремье обратился к руководителю «Клуба национальной гвардии» и к муниципальному совету с предложением срочно делегировать своих представителей в состав новой власти. Муниципальный совет вынес решение — «в интересах порядка и безопасности города» послать в префектуру шесть делегатов с тем, чтобы обеспечить совету большинство в Департаментской комиссии: поддержка представителей «Клуба национальной гвардии» ему была обеспечена. Однако совету не удалось осуществить свой план: только три его делегата вошли в состав Департаментской комиссии, которая была пополнена шестью членами: тремя—Десерви, Сидор, Боск—от муниципального совета, и тремя—Бушэ, Каргу, Бартэлю—от «Клуба национальной гвардии». К вечеру того же дня Кремье с балкона префектуры огласил состав Департаментской комиссии, которая тут же, на площади, была утверждена народом. Председателем Комиссии был избран Кремье. Департаментская комиссия представляла собой, таким образом, коалиционный орган, весьма пестрый по своему составу. Рядом с носильщиком Этьеном и сапожником Мавиэлем в ней заседали судовладелец Боск, адвокаты Десерви, Кремье, бывший помощник прокурора Бушэ и т. п.; рядом с буржуазными радикалами типа Сидора, Бушэ, Жоба и буржуазным

¹ «Procès-verbaux...», p. 14—15.

² «Gazette des tribunaux», 5 août 1871. Пропец Ж.-Б. Ру; «La commune», 30 mars 1871. Корреспонденция из Марселя.

³ «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

демократом Кремье заседает анархист Алерини

Хотя мы не располагаем необходимыми данными относительно деятельности Департаментской комиссии — Комиссия не вела протоколов своих заседаний¹, — у нас есть все основания считать, что с первых же дней ее существования в ней обнаружилось весьма серьезные разногласия Умеренное ее большинство, куда входила некоторые влиятельные деятели марсельского буржуазно республиканского движения, сразу встретило резкое противодействие со стороны другой ее части, находившей опору среди активных участников движения, преимущественно людей из народа, которые весьма настороженно относились к ряду членов нового органа власти Об отсутствии полного доверия народа к Департаментской комиссии свидетельствуют, например, жалобы муниципального советника Сидора на то, что заседания Комиссии проходят, так сказать, «под угрозой штыков» «Двери зала заседаний, — сообщал Сидор своим коллегам 23 марта на вечернем заседании муниципального совета, — остаются открытыми, у каждого из них выставлен караул, который словно присутствует здесь скорее для того, чтобы за нами следить, чем нас охранять, наши совещания несвободны, и нет гарантии, что наши решения будут выполнены»²

О недоверии к Комиссии свидетельствует также заявление об отставке, поданное членом Департаментской комиссии Бушэ на второй день ее существования Свою отставку Бушэ мотивировал тем, что «ряд наших распоряжений встретил непреодолимое сопротивление со стороны некоторых граждан, которые в своем республиканском пылу поставили нас под подозрение»³ Разногласия внутри Департаментской комиссии принимали иной раз столь острую форму, что кончались драками между отдельными ее членами Об этом свидетельствуют в своих показаниях Кремье, Жоб и другие Разногласия шли по разнообразным линиям Насколько позволяют судить крап не скудные данные, которыми мы располагаем, в Комиссии прежде всего не было единства в вопросе об отношении к муниципальному совету Наряду со сторонниками сохранения полномочий муниципального совета и тесного сотрудничества с ним, в Комиссии были и такие члены, которые считали необходимым насильственный роспуск муниципального совета и сосредоточение всей власти в руках Департаментской комиссии Эта точка зрения не получила перевеса в Комиссии, но она нашла свое отражение в крайне подозрительном отношении к делегатам муниципального совета со стороны части членов Комиссии «Ваши делегаты в префектуре»⁴

¹ Aubray M Op cit, p 383 Дело Бютена

² «Procès-verbaux », p 22

³ Aubray M Op cit, p 307 Заявление Бушэ Под воздействием Кремье Бушэ взял обратно свое заявление

⁴ Речь идет о Департаментской комиссии, заседавшей в здании префектуры.

рысуют свободой и даже жизнью, — жаловался Сидор муниципальному совету через несколько дней после создания Департаментской комиссии, — мы были уже дважды арестованы на более или менее продолжительный срок, не раз нам угрожали, и раз нас смешивали с грязью»⁵

Отсутствие единой политической линии наложило печать неустойчивости на деятельность Департаментской комиссии с первых же ее шагов Утром 24 марта появилось воззвание новой власти к населению В нем, с одной стороны, вполне определенно выражалась «любовь к республике, к героической столице мученице» Вместе с тем авторы воззвания сознательно воздержались от безоговорочного приобщения к революционному правительству Парижа, предпочитая ограничиться туманной декларацией о готовности Марселя «поддержат нормально созданное республиканское правительство, которое будет заседать в столице» Отрекомендовав себя принципиальной противницей гражданской войны и «кровопротития», новая власть ставила себе в заслугу то, что ей удалось добиться согласия всех республиканских организаций Марселя, объединившихся в одном руководящем органе — Департаментской комиссии В воззвании, далее, подчеркивалось, что Комиссия создана муниципальным советом (разрядка моя — Э Ж) и носит сугубо временный характер Она готова в любой момент уступить место другой власти, которая будет наделена постоянными полномочиями Кроме того в воззвании был, по существу, обойден вопрос об отношении к вассальскому правительству Авторы воззвания не шли дальше выражения политического недоверия смещенному префекту департамента Устьев Роны «Поддерживайте же вместе с нами порядок в городе, — гласило в заключение воззвание, — возвращаетесь к вашим мирным занятиям, пусть торговля и промышленность вновь перейдут как можно скорее к мирному развитию, способствуя становлению нашего отечества»⁶ Воззвание внесло успокоение в сердца марсельских коммерсантов и предпринимателей сильно изрепощившихся в связи с событиями 23 марта Орган марсельской буржуазии «Le Semaphore», ратифицируя «Egalité» и др весьма лояльно отнеслись к Департаментской комиссии и ее первым шагам

Но народ, опережая своих руководителей, по собственной инициативе творил дело революции Утром 24 марта на здании префектуры было водружено красное знамя революции Муниципальный совет пришел в бешенство⁷, да и в Департаментской комиссии этот акт был встречен сочувственно далеко не всеми членами Из показаний Кремье мы узнаем, что появление этого знамени вызвало в Комиссии серьезные столкновения Кремье, высказавшийся против его водружения, получил в

⁵ «Procès-verbaux », p 45

⁶ «La Commune», 28 mars 1871 Воззвание датировано 23 марта

⁷ «Procès-verbaux », p 26, 31, 35

ответ весьма чувствительный удар штыком¹. Настоятельные требования муниципального совета, чтобы Департаментская комиссия удалила красное знамя с вышки префектуры, сопровождавшиеся угрозой, что в противном случае он отзовет своих представителей из Комиссии, не возымели действия: Департаментская комиссия во главе со своим председателем не могла не считаться с волей народа, который готов был грудью отстоять свое знамя².

Равным образом по инициативе народа, вопреки умеренным членам Департаментской комиссии и протестам муниципального совета, был усилен надзор за префектом и другими арестованными чиновниками старой власти. Кремье, настойчиво стремившийся освободить префекта, оказался все же бессильным осуществить свое намерение. Под давлением более решительных чем Кремье участников переворота, Межи и других, префект в ночь на 24 марта подписал документ об отказе от занимаемого им поста³.

Необходимо отметить, что вслед за весьма умеренным воззванием Департаментской комиссии от 23 марта муниципальный совет опубликовал в свою очередь воззвание к населению, в котором резко отмежевался от Комиссии и свое участие в ней, в лице трех делегатов, мотивировал исключительно стремлением «внести умиротворение и предупредить великие несчастья, которые были неизбежны». «Не он (муниципальный совет.—Э. Ж.) создал эту комиссию и тем более не он уполномочил ее управлять городом Марселем; эти полномочия принадлежат исключительно совету», — так гласило воззвание. Заключение его слова звучали откровенной враждебностью к Комиссии. Муниципальный совет, объявив себя «в настоящем положении единственной существующей властью», призвал национальную гвардию «выйти из состояния апатии» и, опираясь на свою моральную силу, «воспрепятствовать нарушению общественного порядка». «Помните, что без вас муниципальный совет беспомощен», — этими словами заканчивалось воззвание муниципального совета от 25 марта, представлявшее, в сущности, призыв к национальной гвардии выступить против революционной власти Марселя⁴. Появившееся одновременно с этой прокламацией новое воззвание Департаментской комиссии, заворающей население в «тесном согласии, объединяющем Департаментскую комиссию, муниципальный совет и все республиканские группы Марселя»⁵, свидетельствовало лишь о том, что новая власть,

не веря в собственные силы, всячески стремилась опереться на авторитет и поддержку муниципального совета, хотя тот открыто выступал против нее.

Неустойчивость политической линии Департаментской комиссии послужила одной из причин того, что новая власть оказалась неспособной использовать чрезвычайно благоприятную ситуацию, создавшуюся для нее в результате бегства Эспивана со своей армией в Обань. Город, в сущности, остался всецело в распоряжении восставшего народа и его руководящего органа. Департаментская комиссия могла вполне рассчитывать в этот момент на поддержку национальной гвардии, которая, за исключением 2—3 реакционных батальонов, была на стороне народа, на силы гарибальдийцев, крайне озлобленных против старой власти, наконец, на прибывших из Африки солдат, застрявших здесь вследствие нераспорядительности муниципального совета. Но Комиссия не сумела решительно и быстро мобилизовать все боеспособные силы революции и двинуть их вслед бежавшему генералу и его тогда еще многочисленной⁶ и слабо дисциплинированной армии.

С непростительной беспечностью игнорировала она и оборонительные мероприятия, настойчиво диктовавшиеся при создавшемся положении. Оружие, конфискованное в первые дни в мастерских Menpenti и на вокзале, не было учтено. Оно свободно продавалось за бесценок на улицах Марселя⁷, чем не замедлили воспользоваться притаившиеся реакционные элементы. Собранные в префектуре ружья и пушки не имели надлежащих патронов и ядер — обстоятельство, сыгравшее, как увидим, роковую роль в дни решающих боев с перешедшей в наступление контрреволюцией. Форты св. Жана и св. Николая со всем находившимся в них вооружением и амундией продолжали оставаться вне досягаемости Департаментской комиссии, которая не принимала решительных мер для овладения ими. Даже после объявления города на военном положении приказом Эспивана от 26 марта, свидетельствовавшим о переходе генерала в наступление, Департаментская комиссия не тошла дальше робких запросов по адресу муниципального совета, не оказал ли он ей содействие в том, чтобы перевезти в форт св. Николая пушки, находящиеся в префектуре, на что муниципальный совет ответил решительным отказом⁸. Что касается высоты де-ла-Гард, то на нее Комиссия и не покушалась. Занятый народом вокзал св. Карла, крупный железнодорожный узел и важнейший стратегический пункт, не был надлежащим образом укреплен, что впоследствии облегчило вступление войск Эспивана в Марсель.

Департаментская комиссия в значительной мере сама себя обезоружила, выбив

¹ «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

² «Procès-verbaux...», p. 45.

³ Этот акт, получивший гласность лишь в августе 1871 г., во время судебного процесса над участником марсельского восстания Ломбардом, стоил префекту жизни: он покончил самоубийством. См. «Gazette des tribunaux», 9 août 1871.

⁴ Текст воззвания муниципального совета см. в «Procès-verbaux...», p. 26—28.

⁵ A u b r a y M. Op. cit., p. 306—307. Текст воззвания Департаментской комиссии.

⁶ Армия Эспивана насчитывала вначале не более 2—3 тыс. человек. См. «Actes...». Т. V, p. 555. Показания Туреля.

⁷ A u b r a y M. Op. cit., p. 310. Воззвание Департаментской комиссии.

⁸ «Procès-verbaux...», p. 46.

почву из-под собственных ног. Кремье, пуще всего боявшийся острых классовых столкновений, с первых же дней после востания сам прилагал усилия к тому, чтобы очистить город от гарибальдийцев. Уже 25 марта он внес на рассмотрение муниципального совета проект о немедленном назначении взамен бежавшего из города военного интенданта нового интенданта в целях скорейшей эвакуации из Марселя гарибальдийцев¹.

Это было, пожалуй, единственное предложение Департаментской комиссии, которое муниципальный совет с несвойственной ему поспешностью принял за осуществление. Полномочия временного военного интенданта решением совета от 26 марта были вручены советнику Жюльену, который ревностно принялся за дело и уже к концу дня мог доложить муниципальному совету, что им предприняты все необходимые меры для удаления из города солдат, часть которых уже вывезена, а остальные, «если только не заупрямятся», будут отправлены в ближайшие дни².

Департаментская комиссия предоставила также муниципальному совету широкую инициативу в деле реорганизации национальной гвардии. Во главе штаба национальной гвардии на место подавшего в отставку полковника Жанжана уже 25 марта был поставлен старый офицер Дикун, человек вполне устраивавший муниципальный совет «Дикун, — заявил впоследствии в своих показаниях суду мэр города Марселя, — был назначен лишь после того, как мы получили от нем наилучшие сведения и самые прекрасные рекомендации... Это был нужный нам при создавшихся условиях человек»³. Игнорируя Департаментскую комиссию, новый начальник штаба в контакте с муниципальным советом, мэр которого по положению соединял в своем лице функции начальника национальной гвардии, тотчас приступил к решительной смене личного состава штаба, имея целью удалить все сколько-нибудь «сомнительные» элементы⁴.

Благодаря роковой ошибке, допущенной Департаментской комиссией в отношении местного банка, деятельность ее была почти полностью парализована. Комиссия позволила администрации банка вывезти из города всю его наличность, которая была погружена на вестовое судно «Ренар», находившееся в распоряжении контрреволюционных сил⁵. Весьма «предусмотрительным» оказался и главный казначей марсельской таможни, скрывший таможенную

кассу в недоступном для Комиссии форте св. Николая⁶.

Финансовые учреждения бойкотировали новую власть. Департаментская комиссия вынуждена была уже 25 марта обратиться за финансовой помощью в муниципальный совет, остававшийся полновластным хозяином муниципальной кассы рагуши. Кремье, явившийся с этой целью на заседание совета в сопровождении Алерини, Гильяра и Жоба, просил только 2 тыс. франков «для оплаты расходов на содержание людей, занимающих в течение двух дней здание префектуры». Муниципальный совет «великодушно» ссудил Комиссии названную сумму, «в интересах спасения жизни заключенных и восстановления нарушенного порядка»⁷.

Для оплаты национальной гвардии у Департаментской комиссии, таким образом, не было средств. Комиссия сделала, правда, робкую попытку реквизировать у марсельских торговцев некоторое количество продуктов для содержания верных ей национальных гвардейцев⁸. Но она, повидимому, вскоре должна была отказаться от этого мероприятия, вследствие чего протетарские элементы национальной гвардии были вынуждены уже через несколько дней вернуться к работе.

Непреодолимыми оказались для Департаментской комиссии и затруднения, связанные с саботажем чиновников. Часть из них бежала в Обань вслед за армией Эспинава, другая укрылась в форте св. Николая, третья, покинув город, переселилась на борт стоявшего в порту броненосца «Ля Курон». Стараниями заклятого врага переворота, Туреля, саботаж высшего чиновничества принял организованный характер. «Я устроил так, — самодовольно признавался впоследствии Турель парламентской следственной комиссии, — что ни одно ведомство не виновалось Департаментской комиссии, которая таким образом осталась изолированной»⁹.

Большинство учреждений в городе не функционировало. Напрасно взывала Департаментская комиссия к «гражданскому долгу» марсельских чиновников. «Несмотря на наши инструкции и протесты, — гласило одно из воззваний Комиссии, — военные интенданты, начальники отделов префектуры, высшие чиновники телеграфного управления, полицейские чиновники покинули свои посты. Мы публично приказываем им вновь приступить к исполнению своих обязанностей. Служащие прокуратуры не отвечают на наши призывы. Во имя порядка мы требуем от них признать не только нашу власть, но и высшую необходимость для каждого гражданина выполнить свой долг»¹⁰. Напрасно предупреждала Комис-

⁶ Ibidem.

⁷ «Procès-verbaux...», p. 31.

⁸ Всего было реквизировано продуктов на 4 тыс. франков. См. «Procès-verbaux...», p. 66.

⁹ «Actes...». T. V, p. 555.

¹⁰ A. B. Gray M. Op. cit., p. 310. Текст воззваний Департаментской комиссии.

¹ «Procès-verbaux...», p. 29.

² «Procès-verbaux...», p. 46. Это дело оказалось не столь легким, как представлялось Жюльену. Многие гарибальдийцы, как увидим, продолжали оставаться в городе и приняли активное участие в борьбе за марсельскую коммуны.

³ «Gazette des tribunaux», 19—20 juin 1871.

⁴ «Procès-verbaux...», p. 37—38.

⁵ «Gazette des tribunaux», 19—20 juin 1871.

сии о беспорядках, которыми чревато столь ненормальное положение, ответственность за которые она с себя заранее слагает «Если общественные массы систематически закрываются, если все общественные учреждения прервали свою деятельность по инициативе тех, кто обязан следить за их функционированием, если чиновники покинули свои посты, то сами они будут нести ответственность за могущие произойти беспорядки, которых мы желали избежать, хотя бы ценой нашей крови»¹

Положение однако, все ухудшалось. Глухая стена саботажа, враждебного сопротивления новой власти со стороны реакционного чиновничества росла с каждым днем. Ситуация осложнялась еще тем, что на всей территории департамента новой власти был оказан более чем холодный прием преобладающим большинством местных властей, которые скрыли от населения пригласительный из Марселя циркуляр Департаментской комиссии и энергично подавляли имевшие место отдельные проявления революционной солидарности с борющимися Марселем Департаментская же комиссия не предпринимала сколько-нибудь решительных шагов для установления связей с населением департамента.

Еще 23 марта из Марселя была отправлена делегация в Париж для установления связи с революционной столицей. Делегация вернулась в Марсель 27 марта, и таким образом Департаментская комиссия в первый день была лишена всякого общения с парижской революционной властью, в руководящих указаниях которой она крайне нуждалась. Это обстоятельство послужило одной из причин того, что Комиссия заняла гибельную для марсельского движения выжидательную позицию, дав тем временем контрреволюции возможность мобилизовать силы и перейти в наступление.

Уже 26 марта, как было упомянуто, генерал Эспиван издал приказ, согласно которому Марсель был объявлен на военном положении. Этот акт он мотивировал тем, что «город Марсель заполнен вооруженными чужеземцами, которые поддерживают мятежное, крамольное правительство», и что «население Марселя, терпя такое положение вещей, поставило себя в состояние открытого мятежа против законного правительства республики»². Благодушие Департаментской комиссии дало возможность генералу непрерывно поддерживать связь с командным составом реакционных батальонов национальной гвардии Марселя. Благодаря этому Эспиван был прекрасно осведомлен о положении дел в революционном городе. Генерал торопился с наступлением 26 марта, по предписанию из Версаля, в Обань спешно отправился оставшийся в городе Турель, которому было поручено настаивать перед генералом, чтобы тот выступил немедленно, в ночь на 27 марта, пока не вернулись посланные в Париж де-

легаты. С помощью 2—3 тысяч человек можно было, по мнению Туреля, легко покончить с восстанием. Однако, к великой его досаде, генерал не решился выступить без дополнительного подкрепления. В этом смысле и была послана депеша в Версаль³.

Любопытно, что 26 марта бывший генеральный секретарь префектуры Фулье за несколько дней до того бежавший на борту броненосца «Ля Курон», внезапно потребовал от муниципального совета решительного разрыва с Департаментской комиссией и официального признания его, Фулье, — ввиду ареста адмирала Конье — временным префектом департамента⁴. Департаментская комиссия в свою очередь получила от Фулье «предписание» немедленно очистить префектуру «Активность» этого трусливого чиновника была, несомненно, инспирирована наступательными мероприятиями Эспивана, которые не являлись секретом и для муниципального совета. Поэтому-то муниципальный совет и поспешил на следующее утро отозвать из Департаментской комиссии своих представителей под тем предлогом, «что в Комиссии они не пользуются авторитетом и что своим присутствием в ней они как бы санкционируют действия, которые их совесть порицает»⁵. Воспрянувшие духом «друзья порядка» открыто готовили петицию на имя версальского правительства, в которой настаивали на восстановлении «законной власти»⁶. Вслед за муниципальным советом отозвал своих делегатов и «Клуб национальной гвардии»⁷. Число членов Комиссии свелось, таким образом, к шести человекам.

Все эти обстоятельства сильно деморализовали Департаментскую комиссию. Атакемая со всех сторон, она тщетно упрашивала муниципальный совет «во имя порядка и спасения города» пролить полномочия своих представителей в Комиссии, «до тех пор пока не закончится борьба между Парижем и Версалем или до того дня, когда к нам будет прислан подлинно республиканский префект, в руки которого мы не замедлим передать наши полномочия»⁸. Но муниципальный совет упорствовал. В этот критический для Департаментской комиссии момент из Парижа вместе с возвратившимися оттуда марсельскими делегатами прибыли 27 марта три делегата от Центрального комитета национальной гвардии Ландек, Амуру, Мэй

Прибытием парижских делегатов завершается буржуазно-демократический этап марсельского движения. Отныне оно все более облекается идейно и организационно с парижским движением. Отношения Департаментской комиссии с буржуазными радикалами, заседавшими в муниципальном совете, под влиянием парижской делегации все более обостряются, завершившись пол-

¹ Aubray M. Op. cit., p. 310. Текст взывания Департаментской комиссии.

² Aubray M. Op. cit., p. 314. Приказ генерала Эспивана.

³ «Actes» T V, p. 555.

⁴ «Procès-verbaux», p. 40—42.

⁵ Ibidem, p. 49.

⁶ «Journal de Genève», 29 mars 1871.

⁷ «Procès-verbaux», p. 52—53.

⁸ Aubray M. Op. cit., p. 311.

ным разрывом с ними. Вместе с тем углубляются противоречия внутри самой Департаментской комиссии.

Умеренные члены Комиссии во главе с Гастоном Кремье, несмотря на прибывшее из Парижа подкрепление, попрежнему стараются договориться с муниципальным советом, готовые уступить ему всю полноту власти. 28 и 29 марта, следовательно, после прибытия парижской делегации, Кремье, а затем Жоб извещают муниципальный совет о намерении Комиссии сложить свои полномочия. Жоб от имени Комиссии требовал лишь, чтобы муниципальный совет ссудил ей 4 тыс. франков для возмещения убытков, нанесенных марсельским торговцам в связи с реквизицией съестных припасов для охранявших префектуру национальных гвардейцев. Кроме того муниципальный совет должен был обещать «употребить все свое влияние, чтобы участники движения не подверглись преследованиям»¹. Муниципальный совет лицемерно принял оба условия.

Несомненное влияние на настроение умеренной части Департаментской комиссии оказала и речь Тьера, произнесенная им 27 марта в Национальном собрании. В этой речи Тьер со свойственным ему цинизмом клялся «перед богом, страной и историей», что Национальное собрание не намерено низвергнуть республику, что оно видит свою единственную миссию в «защите и реорганизации страны, чтобы вернуть ей жизнь, свободу деятельности, торговлю, процветание». Эта демагогическая речь, давшая оружие в руки врагов революции для нового наступления на французский народ, окончательно укрепила демобилизационные настроения главарей Департаментской комиссии.

Но эта же речь вдохнула жизнь в бездействовавший до сих пор муниципальный совет. 28 марта мэр спешно отправляется в Обань, чтобы предложить услуги генералу Эспивану. В тот же день муниципальный совет опубликовал воззвание к населению, в котором пытался усыпить революционную бдительность марсельцев ссылками на «республиканские заявления главы исполнительной власти, которые должны отныне рассеять всякие опасения... и положить конец недоразумениям». Далее следовал весьма откровенный призыв к национальной гвардии — «покончить с положением, дальнейшее существование которого чревато опасностями для порядка и свободы»². По городу с раннего утра разносился слухи о том, что ночью, самое позднее завтра, Эспиван «во главе регулярных войск, расположенных в Обани, ввояв появится в городе, чтобы завладеть префектурой и генеральным штабом»³. Очевидно, поводом для этих слухов послужило то, что в этот день у входа в форт св. Николая был вывешен приказ Эспивана от 26 марта, объявивший город на военном положении.

Но в ответ генералу появились в тот же день два воззвания Департаментской ко-

миссии, представляющие большой интерес. В одном из них демонстративно подчеркивалось, что «момент выбран генералом неудачно. Его угроза недействительна. Известия из Парижа весьма ободряющие» «Наша сила — вместе с вашим доверием — растет с каждым мгновением». Департаментская комиссия обращалась, далес, с горячим призывом к национальной гвардии — продемонстрировать свою готовность бдительностью и энергичным поведением «поддержать нормально существующее (régulier) правительство, заседающее в Париже». «Если они (национальные гвардейцы. — Э. Ж.) хотят защитить республику против роялистской реакции и бонапартистских происков, пусть сплотятся вокруг нас. Да здравствует Париж! Да здравствует республика!»⁴. Так гласило воззвание, в котором Департаментская комиссия, несомненно, под влиянием парижских делегатов, участвовавших, очевидно, в составлении этого воззвания, в первые безоговорочно признавала Парижскую коммуну законным правительством Франции. Другое воззвание, обращенное специально к национальной гвардии Марселя, исходило непосредственно от парижских делегатов. «В силу полномочий, которыми нас наделила федерация национальной гвардии Сены, — гласило воззвание, — мы приглашаем делегатов национальной гвардии Марселя собраться завтра, 29-го, в 10 ч. утра, в префектуре для обсуждения вопроса о мерах, необходимых для того, чтобы избежать столкновений и кровопролития, провоцируемых реакцией». Воззвание было подписано четырьмя парижскими делегатами и всем составом Департаментской комиссии⁵.

Как видим, в Марселе с 28 марта, на другой день после речи Тьера и прибытия парижских делегатов, началась энергичная мобилизация сил с той и с другой стороны. При этом необходимо подчеркнуть, что переход в наступление революционных сил совершается не по инициативе Департаментской комиссии, а парижской делегации, которая в силу создавшегося положения тотчас по прибытии и сосредоточивает в своих руках все нити движения.

Именно под давлением парижской делегации Кремье вынужден был принять ряд мер в интересах укрепления позиции Комиссии. Так, 27 марта, в день прибытия делегации, он отдает приказ первой инженерно-саперной роты об усилении надзора за арестованными, содержащимися в префектуре; 28 марта он запрашивает комиссара обороны департамента о количестве хранящегося в мастерских Mсnrenti оружия. Одновременно в префектуру перевозятся оружие, прибывшее с Гравесонского лагеря и предназначавшееся для местного артиллерийского арсенала»⁶.

28-го же марта Кремье по предписанию наиболее деятельного члена парижской де-

⁴ Aubray M. Op. cit., p. 316—317.

⁵ «Journal de Genève», 1 avril 1871.

⁶ По данным реакционного «Journal de Marseille», 28 марта в префектуру было перевезено 14 тыс. винтовок. Надо полагать, что эти данные преувеличенные.

¹ «Procès-verbaux...», p. 66.

² Ibidem, p. 60.

³ «Journal de Genève», 1 avril 1871.

легации, Ландека, был арестован. В этот день между ними произошла первая серьезная стычка. Кремье настаивал на освобождении арестованных чиновников. После 12-часового заключения ему удалось ускользнуть незамеченным из префектуры, куда он решил больше не возвращаться. Однако 29 марта он снова явился в префектуру. Опасение, что в его отсутствие могут быть допущены по инициативе Ландека насильственные мероприятия, которые будут приписаны Департаментской комиссии в целом, заставило его вернуться к своим обязанностям¹.

29 марта состоялось собрание делегатов национальной гвардии, созданное Департаментской комиссией по инициативе парижской делегации. На нем присутствовало свыше 500 человек. Собрание высказалось за создание, по образцу Парижа, местной федерации национальной гвардии, куда войдут представители от батальонов. «Только национальная гвардия представляет подлинные интересы республики и чаяния народа», — гласила декларация, с которой собрание обратилось к муниципальному совету, прося его санкции на создание новой организации. Муниципальный совет решительно высказался против программы собрания, мотивируя свой отказ тем, что она «противоречива, опасна и неосуществима», ибо, в сущности, она означает «намерение установить третью власть»².

Созыв собрания 29 марта свидетельствует о том, что его инициаторы придавали большое значение прочному завоеванию национальной гвардии Марселя на свою сторону. Однако, насколько можно судить по декларации, принятой собранием, местная национальная гвардия пока не заняла вполне четкой позиции, в чем была в значительной мере позинна Департаментская комиссия, вызвавшая сильное охлаждение к себе национальных гвардейцев своей бездеятельностью в первые дни после переворота. Марсельская национальная гвардия пока воздерживалась от присоединения к той или другой стороне. Она требовала для себя лишь организации по образцу национальной гвардии Парижа.

О неустойчивой позиции национальной гвардии говорит и то, что муниципальный совет все еще не терял надежды привлечь национальную гвардию на свою сторону. 29 марта совет вынес решение организовать смотр национальной гвардии, очевидно, с тайным намерением подсчитать свои силы. Правда, некоторые члены совета считали такое предприятие крайне рискованным ввиду ненадежности национальной гвардии. Советник Гай предложил возсужить лишь один — два батальона, другой советовал созвать по 1—2 роты от каждого батальона. «Я протестую против всякой манифестации национальной гвардии», — заявил Сидор, — наша вчерашняя прокламация³ вызвала охлаждение к нам значительного числа республиканцев и даже инженерных войск; созыв

национальной гвардии приведет к столкновению»⁴. Но эти голоса не были поддержаны. в нетерпеливом стремлении перейти к активной борьбе против марсельского движения муниципальный совет был склонен переоценить свои силы. Правда, на стороне муниципального совета было значительное большинство командного состава национальной гвардии, обновленного, как мы знаем, стараниями Дикюэна. 30 марта при участии муниципального совета было составлено воззвание к национальной гвардии от имени ее командного состава. В этом воззвании республика отождествлялась с буржуазным «порядком», а единственными врагами республики объявлялись зачинщики движения, «люди, чуждые Марселю, которых мало беспокоит разорение нашего дорогого города». Понимаемую таким образом республику национальная гвардия призывалась «поддержать при помощи силы (par la force)»⁵. Прокламация заканчивалась выражением полного одобрения речи Тьера.

Одновременно 30 марта был опубликован первый и единственный программный документ марсельского движения — декларация Департаментской комиссии. «Мы хотим, — гласила декларация, — консолидации республики при посредстве республиканских учреждений, ...единства политического руководства при наличии Учредительного собрания и вышедшего из него республиканского правительства, заседающего, как и Собрание, в Париже. Мы хотим административной децентрализации и коммунальной автономии, при которых избранному от каждого крупного города муниципальному совету были бы доверены одновременно административные и муниципальные функции. Инсигнит префектур есть угроза для свободы. Мы желаем консолидации республики путем создания федерации национальной гвардии на всей нашей территории. Но больше всего и прежде всего мы хотим того, что пожелает Марсель». Далее следовал перечень ближайших мероприятий, которые комиссия считала необходимым осуществить в департаменте Устье Роны. Они сводились к упразднению префектуры, роспуску существующего муниципального совета и замене его новым, замене нынешнего мэра другим, который выполнял бы также функции префекта, упразднению генеральных и окружных советов, сосредоточению в руках избранного командующего национальной гвардией всей полноты военной власти. В этих мероприятиях Департаментская комиссия видела единственную гарантию дальнейшего безопасного существования республики. «И тогда, — так заканчивалась декларация, — никакая мятежная власть не будет более угрожать республике, тогда мы, республиканцы, не должны будем напрасно выступать в ее защиту»⁶.

В духе буржуазного демократа Кремье, автора этого документа, звучит и другое

⁴ «Procès-verbaux...», p. 71.

⁵ Ibidem, p. 77—78.

¹ «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

² «Procès-verbaux...», p. 75—76.

³ Речь идет об упомянутом воззвании муниципального совета от 28 марта.

⁶ Malon B. «La troisième défaite du prolétariat français», p. 350—351. Neuchâtel. 1871

положение в декларации Департаментской комиссии: «Если бы правительство, заседающее в Версале, согласилось распустить национальное собрание, полномочия которого истекли, и переселилось в Париж, мы не стали бы требовать столь значительных гарантий и с меньшим нетерпением ждали бы осуществления наших пожеланий; но поскольку конфликт продолжается, нам приходится настойчиво выставлять и добиваться осуществления наших законных требований»¹.

Любопытно, что декларация 30 марта, в которой, как мы видим, отсутствовали какие бы то ни было социальные требования, при всех ее оговорках представлялась, по видимому, Кремье слишком радикальной, ибо позднее, во время судебного процесса, он, не отрицая своего авторства, отказывался, однако, признавать в ней непосредственную программу марсельского движения и квалифицировал ее как выражение общих «пожеланий»².

В тот же день Кремье отдал приказ на имя Жана Балтиста Ру, комиссара полиции при вокзале, конфисковать и перевезти в префектуру хранящиеся в привокзальных мастерских оружие, что и было исполнено³. Это распоряжение было, несомненно, сделано по указанию Ландека, инициативе которого следует приписать почти все последующие мероприятия Департаментской комиссии.

Однако, сосредоточив в префектуре значительное количество оружия, Ландек, так же как Департаментская комиссия до прибытия парижской делегации, не позаботился о том, чтобы проверить его пригодность к бою. Важнейшие стратегические позиции, как и прежде, оставались в распоряжении контрреволюции. С ничем не обоснованной самоуспокоенностью Ландек уверял, что войска Эспивана «не посмеют» вступить в бой с национальной гвардией, а если и вступят, то дело неминуемо кончится братанием солдат с национальными гвардейцами. Поэтому-то он не придавал должного значения открытому разгулу обнаглевшей роялистской реакции, которая на улицах Марселя откровенно вербовала солдат в армию генерала, привлекая их денежным вознаграждением. Лишь в последние дни своего существования Департаментская комиссия объявила о своем решении применять строжайшие меры наказания, вплоть до объявления вне закона лиц, которые будут призывать к оружию гражданское население, а также солдат и национальных гвардейцев⁴. Генерал по-прежнему беспрепятственно сносился с реакционными элементами национальной гвардии; в городе открыто велась устная и печатная контрреволюционная пропаганда. И только 2 апреля, за 48 часов до вступления в город войск Эспивана, по-

явилось распоряжение Департаментской комиссии о запрещении издавать афиши, плакаты, газеты без предварительного ее разрешения⁵. Надо полагать, что этот запоздалый шаг был подсказан Департаментской комиссией снизу: недаром Кремье в своих показаниях суду ставил себе в заслугу то, что ему удалось предотвратить подготовлявшийся народом подлог помешания редакции консервативной «Gazette du Midi»⁶.

Немало ярых реакционеров продолжало пользоваться свободой действий в революционном городе. Правда, благодаря настояниям Ландека, которому по этому поводу пришлось выдержать борьбу с Кремье, в начале апреля был дополнительно взят под стражу ряд крупных чиновников Марселя. Среди них генеральным прокурор Гибер и его заместитель, директор Марсельского банка Оперман, директор и главный казначей таможни и некоторые другие. Мэр города заблаговременно спасся бегством в Тулон; вместо него был взят заложником его сын. Вслед за мэром из города бежала часть муниципальных чиновников, укrywшихся на борту «Ля Курон». В числе намеченных к аресту был и местный архиепископ, оставшийся, однако, на свободе благодаря вмешательству Кремье⁷.

Вместе с тем заслуживает внимания попытка Департаментской комиссией связаться с солдатами генерала Эспивана. 1 апреля было опубликовано воззвание Комиссии к армии. Солдаты призывались присоединиться к республиканцам, «намерения которых в отношении армии известны издавна». «Самое пылкое их желание,— гласило воззвание,— сохранить между национальной гвардией и вами тесное братство и единство, в котором заключается мощь и слава свободных народов». Указав, далее, на провокационную политику реакционных генералов, которые стремятся развязать гражданскую войну и с этой целью продолжают держать солдат под ружьем, авторы воззвания старались подчеркнуть, что «республика расформировала постоянные армии и раскрыла объятия всем своим защитникам»⁸. Это воззвание не мобилизовало солдат на то, чтобы обратиться оружие против сил реакции.

В числе привлеченных к суду по обвинению в причастности к марсельскому движению фигурирует некий Андре (André), известный в Марселе продавцом газет, который «3 апреля имел неосторожность отправиться в Обань, чтобы предложить солдатам и офицерам прокламацию Кремье»⁹. Это — единственное, известное нам указание на то, что Департаментская комиссия предпринимала и практические шаги к тому, чтобы установить контакт с войсками генерала Эспивана.

¹ Malon V. Op. cit., p. 351.

² «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

³ Ibidem, 15 juin 1871.

⁴ См. по этому поводу воззвание Департаментской комиссии. Aubray M. Op. cit., p. 318, 320.

⁵ Aubray M. Op. cit., p. 320.

⁶ «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

⁷ Ibidem, 15 juin 1871.

⁸ Ibidem.

⁹ «Journal de Genève», 8 août 1871

1 апреля Ландек в качестве «делегата Парижа, снабженного всей полнотой военных полномочий», особым приказом¹ сместил Эспивана с поста командующего вооруженными силами департамента и на его место назначил примкнувшего к движению кавалерийского унтер-офицера Пелисье. Это мероприятие имело бы значение, если бы в приказе не было подчеркнuto, что «до вступления в исполнение своих обязанностей генерала Пелисье» Эспиван на неопределенный срок остается командующим находящимися в его распоряжении войсками. Эта оговорка ставила Пелисье в двусмысленное положение генерала без армии. Ему оставалось довольствоваться тем, что он являлся, по его собственному выражению, «генералом ситуации»².

Но при всех ошибках Департаментской комиссии общественное мнение трудящихся Марселя после прибытия делегатов из Парижа стало с каждым днем все более определенно снова склоняться на сторону Департаментской комиссии. Наиболее ярким выражением этого нового поворота марсельского населения в сторону Департаментской комиссии явилось состоявшееся 1 апреля вторичное собрание делегатов национальной гвардии. Почти единогласно, при одном воздержавшемся, национальная гвардия Марселя высказалась в пользу Департаментской комиссии, за роспуск муниципального совета. Собрание признало необходимым пополнить состав Департаментской комиссии делегатами от национальной гвардии — по одному делегату от батальона. Вслед за национальной гвардией и все республиканские группы города высказались за поддержку Департаментской комиссии³.

Это была большая победа Департаментской комиссии, позволявшая ей 2 апреля издать декрет о роспуске муниципального совета и о назначении на 5 апреля выборов революционной коммуны Марселя. В мотивировочной части этого декрета обращает на себя внимание заявление о том, что «в выборе между Парижем и Версалем Марсель высказался за Париж»⁴. Во второй раз марсельские революционеры официально заявили о своем безоговорочном присоединении к революционному столу.

2 апреля Департаментская комиссия издала также декрет о квартирной плате, который по своему содержанию не только совпадал с соответствующим декретом Парижской коммуны от 29 марта, но, в известном смысле, шел дальше его. Согласно марсельскому декрету, аннулировалась квартирная плата в Марселе за последние шесть месяцев, начиная с октября 1870 г., в следующих пропорциях: квартирная плата, не превышавшая 300 франков в год, аннулировалась в половинном размере; квартиронаниматели, платившие от 300 до 1000 франков в год,

а также «промышленники, фабриканты, коммерсанты, заведующие складами и директора общественных учреждений» освобождались от трети полугодового взноса. Все суммы, которые за это полугодие были внесены, перечислялись на следующее полугодие⁵. Как видим, декрет марсельской Департаментской комиссии получил некоторую классовую окраску, которой был совершенно лишен парижский декрет⁶.

Оба декрета Департаментской комиссии от 2 апреля при всей их важности свидетельствовали, однако, о том, что Комиссия, как и парижские делегаты, недооценивала серьезность грозившей Марселю опасности и не подозревала, насколько реально была угроза разгрома марсельского движения. Беспечность Департаментской комиссии в этой области и вытекавшая отсюда крайняя недостаточность ее оборонных мероприятий были наиболее слабой стороной марсельского революционного движения.

Генерал Эспиван, получивший между тем подкрепление из Версаля, перешел 2 апреля к решительным действиям. В этот день на улицах Марселя появился приказ генерала, категорически воспрещавший национальной гвардии собираться при оружии без специального разрешения за его подписью. Виновные в нарушении этого предписания, так гласил приказ, будут привлекаться к ответственности по всей строгости законов военного времени⁷. За этим приказом на другой день последовало объявление города и всей территории департамента на осадном положении. Гражданским и военным властям предписывалось строжайшее подчинение правилам осадного положения⁸. 3 апреля, в 7 часов вечера, генерал разослал предписания командирам реакционных батальонов национальной гвардии быть наготове. Около 11 часов вечера того же дня, получив «благословение» Версаля, он двинул свои войска на Марсель...

А Департаментская комиссия тем временем продолжала тешить себя иллюзией, что до вооруженного столкновения с врагом дело не дойдет. 3 апреля — под занесенным над нею мечом — она проводит день в бесконечных заседаниях, которые затягиваются до полуночи⁹. Заседания Департаментской комиссии в этот день, ставший последним днем ее деятельности, были в значительной мере заполнены дискуссиями по поводу новых арестов. 3-го же апреля по распоряжению Ландека было конфисковано для

¹ Aubray M. Op. cit., p. 319—320. Текст декрета Департаментской комиссии.

² Согласно декрету Парижской коммуны, квартирная плата аннулировалась целиком за последние 9 месяцев для всех граждан, независимо от их имущественного положения. См. «Les Murailes politiques». II, p. 135. № 41.

³ Aubray M. Op. cit., p. 321—322.

⁴ Ibidem, p. 321—322.

⁵ «Gazette des tribunaux», 24—25 juin 1871.

¹ Aubray M. Op. cit., p. 319.

² «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.

³ «Journal de Genève», 6 avril 1871.

⁴ Ibidem.

нужд Департаментской комиссии около 19 тыс. франков, захваченных в кассе таможенного управления во время ареста двух видных таможенных чиновников¹. Оборонные мероприятия этого дня были крайне ограничены и носили скорее стихийный характер. Оружие раздавалось бесконтрольно, случайным людям. Никаких четких распоряжений ввиду предстоявшей вооруженной борьбы не было сделано. Позже военный суд мог предъявить руководителям Департаментской комиссии только одно обвинение за 3 апреля — обвинение в передаче комиссару полиции при вокзале, Жану Багисту Ру, 30—40 пакетов с патронами, которые, по мнению суда, были предназначены для встречи войск генерала Эспивана².

Департаментская комиссия узнала о наступлении генерала лишь после того, как его армия тронулась из Обани. В ночь на 4 апреля это известие принес Комиссии национальный гвардеец, посланный в префектуру занимавшими вокзал гарибальдийцами³. Застигнутая врасплох ошеломившим ее сообщением, Департаментская комиссия — в том числе Ландек — все еще отказывалась верить в реальность угрозы и неизбежность вооруженной борьбы. Лишь спустя некоторое время тревожно забили в набат. Было уже около 2 часов ночи...

А через несколько часов генерал, войдя в город, занял вокзал, ряд городских площадей и других стратегических пунктов. К пяти часам утра расстановка сил с той и с другой стороны была в основном закончена. В городе царил в этот ранний час настороженный, зловещая тишина. На площади Сен-Фереоль выстроились у здания префектуры несколько сот национальных гвардейцев — главный боевой резерв Департаментской комиссии. У здания биржи прямоугольником расположились верные генералу команды броненосцев «Ля Курон» и «Ля Маньяним». Батальоны линейных солдат, пеших и конных егерей, кавалерийские эскадроны, артиллерийские батареи растянулись вдоль проспектов и площадей. У самого берега стояло под парами вестовое судно «Ренар».

Город пробуждался. Улицы постепенно заполнялись народом. Марсельцы с тревожным недоумением всматривались в лица солдат. Народ не допускал мысли, что солдаты могут стрелять в него. «Да здравствуют егеря!» — кричали марсельцы, окружив егерский батальон на Римском бульваре. «Да здравствует Париж!» — доверчиво приветствовали они солдат. И в ряде случаев солдаты отвечали народу тем же. Они поднимали в знак мира ружья прикладами вверх и присоединялись к национальным гвардейцам. Даже в 6-м егер-

ском батальоне, которым командовал известный реакционер де Вильнев, нашлись смельчаки, которые тут же, на глазах у всех, переходили в ряды восставшего народа⁴. На улицах то и дело можно было видеть солдат, братавшихся с национальными гвардейцами. С ружьями, украшенными зеленью, маршировали они совместно, упоенные объединявшими их братскими чувствами.

Однако Департаментская комиссия совершила крупную ошибку, когда на основании единичных случаев братания сделала вывод, что армия в целом не станет стрелять в народ, и ничего не предпринимала для того, чтобы приостановить распространявшиеся среди национальной гвардии демобилизовавшие ее слухи об отказе солдат выступить против народа. Кремье был настолько убежден в мирном исходе событий, что при известии о братании солдат с народом, по свидетельству Ландека, в экстазе бросился ему на шею со словами: «Ты видишь, Ландек, Коммуна побеждает без единой капли пролитой крови!»⁵.

Со свойственным ей легковерием Департаментская комиссия не теряла надежды договориться с генералом, и утром к Эспивану отправилась в качестве парламентеров Ландек, Кремье и Пелисье в сопровождении многочисленной толпы, среди которой находились женщины и дети. Генерал отказался вступать в какие бы то ни было переговоры, пригрозив, что в случае отказа по истечении 10 минут сдать префектуру он с шеститысячной армией и 24 пушками в течение часа возьмет ее приступом и таким образом восстановит в Марселе «порядок». Кремье и тут остался верен себе: он попытался условить версальского палача. «Я, адвокат Гастон Кремье, спрашиваю вас, — воскликнул он, — берете ли вы на себя ответственность стрелять в народ и посмеете ли вы помешать ему свободно провести выборы?»⁶. Генерал не счел нужным ответить.

В сопровождении многочисленной толпы возвращалась делегация в префектуру. Площадь Сен-Фереоль в это время кишела народом. Из уст в уста передавалась весть о том, что армия перешла на сторону народа. Возгласы «Да здравствует Париж!» оглашали площадь. Национальные гвардейцы обменивались приветствиями с народом. Мирная манифестация с черным знаменем⁷ двинулась по улицам города⁸.

⁴ «Gazette des tribunaux», 22 septembre 1871.

⁵ «Qui vive!», 9 decembre 1871. Письмо Ландека.

⁶ «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.

⁷ Черное знамя было принято в знак траура по поводу неудач, постигших Францию во время франко-прусской войны. См. «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.

⁸ Если верить материалам парламентской следственной комиссии по делу

¹ «Gazette des tribunaux», 19—20 juin 1871. См. также опубликованное в газете «Qui vive!» за 9 декабря 1871 г. письмо Ландека, присланное им в редакцию этой газеты из Брюсселя после казни Гастона Кремье.

² «Gazette des tribunaux», 5 août 1871.

³ Ibidem, 26 juillet 1871.

И вдруг из окон легитимистского клуба, духовной школы и других зданий, где засели реакционеры, раздались ружейные залпы. То был сигнал к бою. Было около 10 часов утра.

В течение нескольких часов не прекращалась перестрелка. Защитники революционной власти, собравшись на площади Сен-Ферооль, отстреливались из здания префектуры, укрывшись за ее крепостными стенами. На улицах воздвигались баррикады. Верные Департаментской комиссии национальные гвардейцы яростно перестреливались с реакционными батальонами национальной гвардии и солдатами. Среди революционных борцов было немало гарibaldiйцев.

Однако усилия марсельских революционеров отстоять дело народа были обречены на неудачу. Нехватало оружия, амуниции, людей. Да и значительная часть имевшегося в наличии оружия оказалась непригодной. Победа была обеспечена марсельскому Галифе.

Но контрреволюции надо было потопить в крови всякую идею рабочей революции. Эспиван около полудня отдал приказ откратить огонь по префектуре из пушек, оставленных по его распоряжению на возвышенности Нотр-Дам и в форте св. Николая. После трехчасовой бомбардировки повстанцы оказались вынужденными вступить в переговоры с врагом. Генерал был неумолим—и снова завязался кровавый бой. До 7 часов вечера с занятых версальцами позиций непрерывно раздавались ружейные и артиллерийские залпы в направлении префектуры. Потеряв надежду устоять против несравненно лучше вооруженного врага, во много раз превосходившего их численностью, революционеры в беспорядке покинули префектуру. А Эспиван продолжал в иступлении бомбардировать опустевшее здание...

Лишь в 7 часов вечера прекратилась бомбардировка. Полчаса спустя моряки броненосца «Ля Курон» «храбро ворвались» в пустое здание префектуры и «завладели» им. Все арестованные чиновники были снова водворены на насиженные места. Полновластным хозяином водворился в префектуре вместе со своим штабом новый победитель.

Именем тьеровской буржуазной республики отъявленный монархист Эспиван раздавил марсельское восстание. Захваченных на вокзале гарibaldiйцев, по словам Лиссагарэ, «мужи порядка тащили... к привокзальным фонарям. Там их рассматривал офицер, потом он давал знак другому выступить вперед и пускать им пулю в лоб»¹. В переполненных казематах производились массовые расстрелы без суда. Уже на другой день число брошенных в казематы замка Иф достигло пятисот человек, чем не преминул

похвастать в торжествующем донесении своему хозяину марсельский палач.

«Встреченный многочисленными приветствиями, я совершил со своими войсками триумфальный въезд в город Марсель»,—телеграфировал он Тьеру 5 апреля в 1 час 45 минут дня.— «Делегаты революционного комитета вчера утром поодиночке покинули город. Генеральный прокурор при судебной палате в Эксе, оказывающий мне самоотверженную помощь, рассылает по всей Франции приказ о выдаче их правосудию. Мы имеем пятьсот арестованных, которых я приказал препроводить в замок Иф. В настоящий момент в Марселе все совершенно спокойно»².

Генерал предпочел умолчать о том, что 5 апреля к ликующим крикам опьяневших от крови реакционеров примешивались проклятия и ропот из задних рядов встречавшей его толпы и что марсельцы забрасывали камнями балконы, откуда доносились приветствия по адресу дефилировавших по улицам моряков, участвовавших в подавлении восстания³.

В Марселе воцарилось спокойствие смерти. Несколько сот убитых и раненых⁴, около 900 брошенных в тюрьмы—таков кровавый итог 4 апреля и последовавших за ним дней. 5 апреля появился приказ Эспивана о немедленном закрытии всех клубов и запрещении всяких собраний. Марсельцам предписывалось под страхом суровых кар сдать в течение 48 часов все оружие и амуницию, «расхищенные на вокзале, в казармах, на государственных складах, как и оружие, попавшее иным путем в руки населения». Национальная гвардия объявлялась отныне распушенной. Она подлежала немедленному разоружению и реорганизации⁵; устанавливалась строжайшая цензура для периодической печати⁶. 7 апреля приступила к работе комиссия по разоружению национальной гвардии; к 12 апреля она должна была закончить свою работу. С 8 по 10 апреля должно было сдать оружие гражданское население Марселя. «Лица, которые в указанный срок не сдадут хранящееся у них оружие, будут объявлены мятежниками и преследоваться по всем строгостям закона»,—так гласил приказ Эспивана от 6 апреля. В приказе, далее, указывалось, что в окрестных деревнях все еще продолжают бродить военнослужащие, которые возбуждают население. Этим лицам предлагалось под угрозой военного суда в течение 48 часов вернуться в свои части. 7 апреля появился приказ Эспивана, касавшийся проживавших в Марселе с 1 сентября 1870 г. чужестранцев. Все они должны были в течение 48 часов

² «Murailles Politiques». II, p. 184.

³ Aubray M. Op. cit., p. 330.

⁴ Точная цифра не установлена. По весьма неточным данным «Journal de Genève», число убитых и раненых достигло 500 человек. «Journal de Genève», 7 avril 1871.

⁵ Aubray M. Op. cit., p. 337.

⁶ Ibidem, p. 329.

18 марта, манифестанты—их было около 50 человек—составляли из одних только членов Интернационала. См. «Enquête...» Т. I, p. 444.

¹ Lissagaray E. Op. cit., p. 185.

с момента опубликования приказа покинуть город и территорию 9-й военной дивизии. Особое внимание уделялось в приказе «крайне расформированным итальянцам». Им предлагалось в течение 48 часов оформить в военном интендантстве документы на выезд из города; в противном случае, угрожал приказ, «они будут заключены под стражу и затем под конвоем отправлены к границе»¹.

Однако национальные гвардейцы Марселя, особенно его рабочих предместий, Бельде-Мэ и др., не очень торопились сдать оружие. «Национальные гвардейцы Бельде-Мэ,— сообщал 13 апреля марсельский корреспондент «Journal de Genève»,— мало расположены сдавать свое оружие, так что вчера утром военные власти были вынуждены прибегнуть в этой части города к вооруженной силе, чтобы образумить упрямцев и внушить им сознание своего долга»². 12 апреля появился новый приказ Эспивана: генерал грозил военным судом лицам, которые в течение 24 часов не сдадут все еще остающиеся у них на руках оружие. К 12 апреля, если верить имеющимся данным, комиссия реквизировала 35 тысяч ружей...

Марсельские коммерсанты, смертельно напуганные восстанием, раболопно благодарил своего избавителя за наведенный им «порядок», заверяя Эспивана в своей преданности и готовности оказать ему всяческое содействие³. Не замедлил выразить покорность новому властителю и муниципальный совет Марселя, снова выплывший после подавления восстания. Буржуазные радикалы в воззвании к населению Марселя, опубликованном муниципальным советом 7 апреля, усердно отмежевывались от победивших революционеров и особенно рьяно нападали на главарей движения, клеймя их прозвищем злейших врагов республики⁴.

А те, чьи имена возбуждали лютую ненависть реакционеров, члены бывшей Департаментской комиссии и многочисленные рядовые участники движения, в это время заполняли казематы замка Иф и форта св. Николая. Лишь Ландеку, Жобу и некоторым другим удалось бежать. Кремье, скрывавшийся у надзирателя еврейского кладбища, был арестован в ночь с 7 на 8 апреля, после того как сам выдал себя в руки агентов Эспивана.

Вместе с Этьеном и Пелисье он был приговорен к смертной казни. Остальные руководители и активные участники движения были приговорены к 10 и 5 годам каторги и ссылки. Среди осужденных преобладали люди из народа, рабочие разнообразных профессий⁵. В их числе были члены местной секции Интерна-

ционала, рабочий Шовен и многие другие, что дало повод местному военному судилищу создать особое «Дело Интернационала». Для этой цели были использованы материалы начатого здесь при Второй империи процесса местной секции, который остался незавершенным благодаря революции 4 сентября⁶. Немало смертных приговоров было вынесено солдатам, бравшимся 4 апреля с восставшим народом.

Долго еще после подавления восстания рабочие кварталы и предместья Марселя viuшали беспокойство и страх восторжествовавшим реакционерам. Об «угрожающем настроении предместий, заставляющем опасаться нового столкновения»⁷, сообщал 15 апреля марсельский корреспондент «Journal de Genève». Через несколько дней тот же корреспондент сообщал о том, что в предместьях «еще не улеглись возмущение и гнев, вызванные поражением, и— как ни печально— больше всего способствуют этому женщины»⁸.

Пушки, расставленные Эспиваном во время подавления восстания во дворце Юстиции и на возвышенности Нотр-Дам, продолжали оставаться на своих местах. «Чтобы дать возможность власти предохранить город от нового покушения», было решено дополнительно установить на Нотр-Дам артиллерийские батареи. Кроме того предполагалось южное крыло префектуры превратить в казарму и установить на внутреннем ее дворе кавалерийский пост с двумя пушками. Броненосцы «Ля Курон», «Ля Маняним» и вестовое судно «Ренар» оставались на рейде «до установления нового порядка»⁹.

Несмотря на разгул клерикально-монархической реакции, свирепствовавшей в городе, попрежнему остававшемся на осадном положении, несмотря на непрекращавшиеся обыски, аресты и иные преследования, в рабочих кварталах не ослабевали «проявления ненависти и ужасающие угрозы». Делались попытки стрелять в полицейские посты, распространялись листовки, угрожавшие смертью генералу, всему составу генерального штаба, офицерам и батальонам национальной гвардии, участвовавшим в подавлении восстания, если не будут тотчас освобождены заключенные в замке Иф и в крепости св. Николая¹⁰. Ввиду угрожающего положения, создавшегося в городе, префект департамента был вынужден затребовать в середине апреля подкрепления из Версаля¹¹. Вместе с тем известно, что еще 6 апреля на заседании Парижской коммуны было решено, ввиду серьезности создавшегося в Марселе положения, послать туда вторично делегацию, и на этот раз в составе Межи, Дюпона и Куле-де-Тейака, причем революционная

¹ Aubray M. Op. cit. p. 337—338.

² «Journal de Genève», 13 avril 1871.

³ Aubray M. Op. cit., p. 340.

⁴ Ibidem, p. 332—333.

⁵ «Journal de Genève», «Gazette des tribunaux» за 1871 год. Отчеты о процессе марсельских революционеров.

⁶ «Journal de Genève», 12 août 1871.

⁷ Ibidem, 19 avril 1871.

⁸ Ibidem, 20 avril 1871.

⁹ «Journal de Genève», 23 avril 1871.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ «La Commune», 17 avril 1871.

власть Парижа ассигновала для нужд марсельского движения 2 тысячи франков¹.

24 апреля в Марселе имело место вооруженное столкновение народа с полицией². Но то была последняя вспышка погухавшего пожара. Обезоруженные рабочие были бессильны продолжать борьбу. С полным основанием марсельские реакционеры успокаивали себя тем, что у рабочих «совершенно отсутствуют средства для возобновления борьбы с какими бы то ни было шансами на успех»³.

¹ «Протоколы Парижской коммуны», стр. 59. Партиздат. 1933.

² «La Commune», 26 avril 1871.

³ «Journal de Genève», 20 avril 1871.

Тьер торжествовал. Покончено с наиболее упорным из провинциальных движений. Пал последний из восставших вслед за Парижем городов французской провинции⁴. Подавив железом и кровью мартовские восстания в крупнейших провинциальных центрах, Тьер считал, что с провинцией покончено.

Но он просчитался. Апрель и май принесли с собой новый тур революционных выступлений в ряде департаментов Франции.

⁴ 5 апреля пал Лимож.

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна воспоминания, документы, исследования, публицистика:

Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г.
Э. Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг.
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г.
С.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871
Бессмертная Коммуна. Воспоминания ветеранов, участников Парижской
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг.
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира
Парижская Коммуна 1871 г. / под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда,
А.И.Молока, Ф.В.Потемкина
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г.
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции
Письма рабкорров Парижской коммуны
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны
М.Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны
М.Шури. Коммуна в сердце Парижа
С.Б.Кан. Правительство Тьера и подготовка революции 18 марта 1871 года
Н.Сидорова. Политические клубы Парижа накануне Коммуны 1871 года
П.Антокольский. Коммуна 1871 года (поэма)
О. Вилье де Лиль-Адан. Произведения времен Парижской Коммуны
О.Вайнштейн. Парижская коммуна и Французский банк
Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.)
Радиопередачи к 140-летию Парижской коммуны

Эти и другие материалы можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>